

ТЕМА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В РУССКОЙ ДЕКОРАТИВНОЙ БРОНЗЕ

Статья посвящена некоторым из работ российских бронзовщиков XIX века, затрагивающим тему войны с Наполеоном. Всесторонний анализ этих произведений позволил разделить их на две группы – оригинальные и повторные, а также определить круг мастеров, к творчеству которых можно было бы причислить представленные предметы.

Ключевые слова: декоративная бронза, Отечественная война 1812 года, декоративно-прикладное искусство.

События войны с Наполеоном 1812–1814 годов нашли отражение во всех видах русского изобразительного и декоративно-прикладного искусства того времени. Не оставались в стороне и российские мастера бронзового дела. Из их мастерских начали выходить необычные оригинальные работы, при создании которых были временно забыты холодные рассудочные каноны классицизма, а вместо них выплеснуты переполнявшие всё российское общество восторженные патристические эмоции.

Одной из первых работ подобного рода стало скульптурное изображение празднующего победу казака, помещённое на чернильный прибор. Прямоугольная подставка из бронзы, малахита или мрамора с ножками в виде дельфинов или орлов служит основанием для фигурки казака в парадном обмундировании времён Александра I. Казак сидит на полене, в одной руке он держит флягу, другую, с чаркой, на которой написано «УРА!» или «УРА

АЛЕКСАНДРУ», – поднял вверх. Рядом лежит попираемый ногами штандарт французских войск. По сторонам фигурки находятся две корзинки или, как вариант, – два трофейных бочонка (ёмкости для чернильницы и песочницы), на откидных крышках которых помещены фигурки сов или наполеоновские орлы. На некоторых чернильницах имеется императорский вензель «А I».

Смысл фигурки незамысловат и был ясен каждому из современников: российский казак после сражения с французами провозглашал победу, он кричал «Ура!» и поднимал чарку с вином за российского императора.

Наиболее раннее изображение подобной чернильницы имеется на акварели 1819 года, работы архитектора Салуччи, воспроизводящей гостиную в Штутгардском дворце в Вюртемберге¹. Чернильница могла попасть туда только одним путём – в начале 1816 года вместе с приданной сестры Александра I – Екатерины Павловны (1788–1819), вышедшей замуж за наследного принца Вильгельма Вюртембергского, ставшего всего через несколько месяцев королём Фридрихом-Вильгельмом I. До этого, во время Отечественной войны, будучи ещё российской великой княгиней, Екатерина Павловна выделила собственные средства на созда-

ние егерского батальона, участвовавшего в военных действиях и носившего её имя. Поэтому чернильница с фигуркой празднующего победу казака оказалась в покоях Вюртембергского королевского дворца совсем неслучайно.

Модель чернильницы известна во множестве вариантов. Не редки композиции с казаком в виде пресс-папье, иногда он даже встречается на небольших настольных часах. В более поздний период эту модель отливали из чугуна. Исполнение экземпляров из бронзы было неодинаковым. Качество их варьировалось от тончайшей почти ювелирной чеканки с выразительным лицом, проработкой мундирных аксессуаров и многослойным матовым золочением от *ornolu* до весьма грубых отливок с искажением пропорций фигуры, весьма условным изображением лица, почти без чеканки и худым золочением. Очевидно, что фигурку торжествующего казака тиражировали различные мастерские и на протяжении длительного времени.

Другая близкая по теме фигурка – «Ратник петербургского ополчения 1812 года». Эта небольшая (высотой около пятнадцати сантиметров) фигурка служила прессом для бумаг или настольным украшением. Петербургский ратник – скорее, мальчик, чем мужчина, – изображен бегущим, в одной руке он держит шляпу, на которой прикреплен ополченский значок, а в другой – трофейный наполеоновский штандарт. На пьедестале гравированная надпись: «Для вечной памяти / сражение при Полотцке / 8го Октября 1812 Года». Всем своим видом мальчик показывает радость и ликование по случаю одержанной победы.

Количество сохранившихся экземпляров фигурки петербургского ратника значительно меньше, чем торжествующего казака. Их известно всего несколько. Одна из них находится в коллекции Государственного Эрмитажа и происходит из старого собрания графа А. А. Бобринского в Петербурге². В своё время фигурка была поднесена начальнику ополчения А. А. Бибикову петербургским дворянством. Александр Александрович Бибиков (1765–1822) являлся одним из организаторов ополчения 1812 года в Петербурге. Во главе отряда петербургских ополченцев он участвовал в сражении у Полоцка, которое имело большое значение для последующих военных действий, и заслужил особую благодарность командующего корпусом – генерала П. Х. Витгенштейна. Бибиков вернулся в Петербург в конце 1813 года, но фигурка могла быть поднесена ему несколько позднее, а именно 12 июня 1814 года или вскоре после этой даты, при торжественном вступлении войск петербургского ополчения в Петербург. Встречала войска от лица отсутствующего в это время в столице императора Александра I, а затем главенствовала на последующих торжествах, выражая августейшую благодарность отличившимся, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна.

С именем вдовствующей императрицы связан другой пресс с такой же фигуркой, практически идентичный эрмитажному и с той же надписью. Он находится в Павловском дворце-музее, и поступил во дворец, принадлежавший в то время Марии Фёдоровне, ещё в 1814 году, что зафиксировано архивным документом³.

Третий такой же пресс с надписью на подставке экспонировался также на выставке «1812 год» в 1912 году и происходил из коллекции В. П. Дурдуфи, урождённой Пуговкиной⁴.

Ещё один экземпляр ратника, хранящийся в Государственном историческом музее в Москве, отличается от предыдущих лишь формой подставки с рельефной орнаментальной накаткой, что дало основание Н. Р. Левинсону считать его более поздней репликой⁵. Добавим к этому, что предмет был изготовлен не только позднее, но, скорее всего, и не в Петербурге. Орнаментальная накатка подобного рода более характерна для московского бронзового производства, начинавшего возрождаться после военной разрухи.

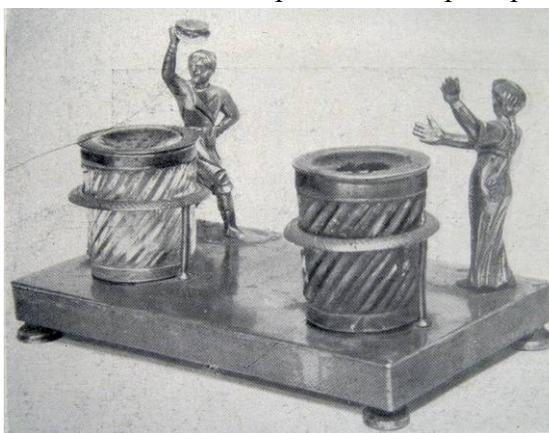
Повторяющиеся фигурки с одной и той же надписью свидетельствуют о единовременном их выпуске для поднесения конкретным персонам. Изготавливать их могли не иначе, как в Петербурге. Но, судя по всему, через некоторое время производство прессов по той же чрезвычайно удачной и отражавшей общее настроение модели Петербургского ополченца было продолжено в Москве.

Тема Отечественной войны 1812 года отразилась также в другом чрезвычайно интересном предмете. Это чернильный прибор с фигурками пляшущих крестьян, хранящийся в собрании Государственного Эрмитажа⁶. Он представляет крестьянку в русском сарафане и кокошнике и крестьянина со шляпой в руке и медалью на груди. Радость отплясывающих крестьян сродни настроению двух предыдущих

персонажей, празднующих победу над врагом. Фигура крестьянина до крайности похожа на фигуру петербургского ратника, – аналогичная поза, та же порывистость в движениях, та же шляпа. Существенным элементом чернильного прибора является расположенная за крестьянами большая лира, на деке которой помещено рельефное Всевидящее Око, которое, вероятно, должно было ассоциироваться с тем же изображением на наградной медали «В память Отечественной войны 1812 года»⁷.

До сих пор эрмитажную чернильницу приписывали работам московского бронзовщика Якова Борисовича Самарина и датировали 1820–1830-ми годами⁸. Основанием этому, по всей видимости, послужило существование чернильного прибора в собрании Государственного Исторического музея в Москве с фигурами по той же

модели, но имеющего клеймо мастера Самарина – «МЯС»⁹. Однако даже такое плохо читаемое изображение, как мы видим в публикации, позволяет констатировать, что качество исполнения самаринской чернильницы несоизмеримо хуже эрмитажного экземпляра. Вероятно, и здесь мы имеем аналогичный случай позднейшего повторения петербургской модели московскими бронзовщиками.

Несколько особняком от бронзовых принадлежностей письменного стола с фигурами казаков, ополченцев и крестьян стоит ещё один предмет, хотя и называемый памятником, но всё же относящийся скорее к настольному украшению. Речь идёт о необычной аллегорической композиции, созданной в память изгнанию Наполеона из России по проекту русской женщины Натальи Алексеевны Колтовской, урождённой Турчаниновой (1773–1834). Памятник представляет собой малахитовую пирамиду на пьедестале. Наверху пирамиды – земной шар, на котором стоит русский воин, водружающий знамя с двуглавым орлом. На лицевой стороне пирамиды находится бронзовая дощечка с надписью: «1812 года

Сентября 9 дня Любовь к Отечеству сильное упование на Бога во славу Российского Солдата внушили мысль сего Монумента. Наталья Колтовская урожденная Турчанинова». На пьедестале находится «Программа», принадлежащая автору проекта: «Русский солдат, перейдя за Рейн, сталкивает ногой с земного Шара Штандарт Бонапарта! водружает знамя Российского Императора Александра Первого, крича «Ура!!!», а показывая рукой на брань, что она свергла злодея с высоты Престола, изображенного в образе говорящего старца и бьющего палкою землю; на 2-м углу – враг, упавши с горы, умирает на изломанном штандарте в якобинском колпаке, держа факел, коим жжет пеликана, коим изображает ненависть к человечеству, в ногах его смертная глава, напоминающая его час смертный! на 3-м – пень обросчий плющом означение его неблагодарность, что он изнурял французов, кои его поддерживали, 4-м – раскаяние Франции»¹⁰.

Русский воин здесь удивительно напоминает сидящего казака, рассматриваемого выше. Впечатление, что он исполнен по той же модели, ему лишь изменили положение ног и сняли шапку. Даже французский штандарт тот же. Однако свести то и другое к работам одного мастера не позволяет резкая разница в качестве исполнения. Моделировка фигурки воина в памятнике Колтовской страдает полным отсутствием пропорциональности, а неестественность его позы со всей очевидностью свидетельствует о работе начинающего дилетанта.

Кроме описанных работ можно упомянуть также несколько чернильниц золочёной бронзы московской работы из собрания Государственного музея А. С. Пушкина в Москве, украшенных фигурками казаков¹¹. Добротное качество проработки сочетается в них с совсем примитивной моделировкой фигур и отсутствием авторской идеи, что не оставляет сомнений во вторичности их исполнения.

Таким образом, можно предположить, что рассмотренная выше группа предметов, связанная единым настроением восторга русских от одержанной над французами победы, должна быть разделена на две группы. Наиболее качественные изделия, отличающиеся ярко выраженным идейным замыслом, динамичной

моделировкой, более-менее правильными пропорциями фигур и тонкой проработкой деталей, восходят, возможно, к работам одной из петербургских мастерских. Предметы, изготовленные по тем же моделям, но значительно худшего качества, а также исполненные «по мотивам» авторских моделей, были вторичны и выпускались различными другими мастерскими, скорее всего, московскими. По-видимому, популярность этих простых, но характерных произведений, которые соответствовали эмоциональному настрою всех слоёв российского общества, а также отсутствие законодательных актов об охране собственности авторских моделей приводили к бесконтрольному и бесцеремонному тиражированию.

Среди столичных мастерских, действовавших в первое послевоенное время, выделялись, главным образом крупные производства Андрея Шрейбера, Кристиана Бремме, Ивана Дипнера, Карла Дрейера, Фридриха Рехенберга, вдовы Роллен. Однако эти фабрики специализировались в большей степени на выпуске дорогих изделий утилитарного характера – люстр, жирандолей, подсвечников, отделяли в бронзу изделия из камня или стекла для Императорского двора. Их изделия отличались изысканной техникой, они подражали французам или, по крайней мере, ориентировались на французские изделия, чего в описываемых работах нет и в помине. Очевидно, что это делали не они. Такие колоритные и типично российские персонажи вряд ли получились бы у бронзовщиков, которые хотя и жили здесь на протяжении многих лет, но не имели необходимых для такого глубокого понимания корней. Это, конечно, были русские ремесленники, выросшие и обучавшиеся здесь же. Круг таких бронзовщиков, проявивших себя в качестве самостоятельных мастеров, обладавших искусством литья, чеканки и золочения, в послевоенное время был очень узок. Можно назвать имена только двух кандидатов на подобную работу – Иван Баженов и Фёдор Ковшенков.

О первом из них известно очень немного. Литейщик и чеканщик Иван Николаевич Баженов (или Бажанов) родился в 1761 году в семье солдата, обучался в Академии художеств, затем работал на Казённой бронзовой фабрике. В 1797 году получил аттестат на звание мастера¹². На интересующее нас время, а именно, в 1814 году, он владел собственной мастерской, расположенной на Васильевском острове у Немецкого кладбища. Через местную газету он объявлял, что у него «продаются бронзовые вещи», среди которых бюсты Императорской фамилии и разных особ», а также, что особенно интересно для нас, – «монумент в честь храброму»¹³. Что подразумевалось под этим последним – трудно понять, можно только констатировать, что тема была чрезвычайно близка рассматриваемой нами.

Фёдор Иванович Ковшенков (1785–1850) был значительно моложе Баженова. Он родился в Московской губернии и происходил из крепостных в имении помещиков Анненковых. Обучался в Императорской Академии художеств и получил звание свободного (неклассного) художника по лепке и чеканному делу. Современники считали его хорошим скульптором и, в особенности, непревзойдённым чеканщиком. «Кажется, что Г. Ковшенков довёл последнее (искусство чеканки. – *И. С.*) до такой степени, что почти ничего желать не остаётся»¹⁴. Из его работ известны кабинетные бюсты императоров Александра I и Николая I, великих князей, небольшая фигура дворцового гренадера Карпа Варламова, выполненные в 1825–1830 годах. Однако исследователь И. А. Пронина приписывала ему также авторство двух «декоративных украшений, представляющих солдата и ополченца»¹⁵. Возможно, речь идёт именно о рассматриваемых выше моделях, но мы не располагаем достаточно вескими аргументами, чтобы утверждать это однозначно.

Группа письменных приборов и настольных украшений, связанных с темой Отечественной войны 1812–1814 годов, – своеобразный и не имеющий аналогов комплекс произведений, отражавших настроение патриотического подъема русского народа той эпохи. Долговременное тиражирование и распространение моделей среди различных российских бронзолитейных мастерских свидетельствовало о популярности и продолжительности интереса к этим работам.

Примечания

- ¹ Находится в собрании Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа.
- ² Впервые опубликован: Ополчение 1812 года // Материалы по истории дворянства С.-Петербургской губернии / под ред. А. А. Бобринского. – Т. II, Вып. 1. – СПб., 1912. – Ил. без указ. стр.
- ³ Кучумов, А. М. Русское декоративно-прикладное искусство в собрании Павловского дворца-музея / А. М. Кучумов. – Л., 1981. – С. 360. – Ил. 97.
- ⁴ Выставка 1812 года / под ред. В. Божовского. – М., 1913. – С. 151. – № 783.
- ⁵ Левинсон, Н. Р. Отечественные мотивы в декоративно-прикладной бронзе : первая половина XIX века / Н. Р. Левинсон // Труды Государственного Исторического музея : Памятники культуры. – Вып. XXIX. – М., 1958. – С. 12.
- ⁶ Государственный Эрмитаж. Отдел истории русской культуры. Инв. № ЭРМ-7556.
- ⁷ Медаль «В память Отечественной войны 1812 года» учреждена в феврале 1813 и выдавалась до 1819 года.
- ⁸ Художественный металл в России XVII – начала XX века : каталог выставки : Государственный Эрмитаж. – Л., 1981. – С. 75. – № 338.
- ⁹ Левинсон, Н. Р. Отечественные мотивы... – Ил. 23.
- ¹⁰ Голомбиевский, А. Неизвестный памятник событиям 1812–1814 годов / А. Голомбиевский // Старые годы. – 1912. – Июль-сентябрь. – С. 156–158.
- ¹¹ Янтарь на трубках Цареграда, фарфор и бронза на столе... : Коллекция декоративно-прикладного искусства Государственного музея А. С. Пушкина. – М., 2004.
- ¹² Пронина, И. А. Декоративное искусство в Академии художеств : Из истории русской художественной школы XVIII – первой половины XIX века / И. А. Пронина. – М., 1983. – С. 229.
- ¹³ С.-Петербург. Ведомости. – 1814. – 11 дек. – № 99. – С. 996.
- ¹⁴ Журнал изящных искусств, издаваемый В. Григоровичем. – Ч. II. – СПб., 1825. – С. 58.
- ¹⁵ Пронина, И. А. Декоративное искусство... – С. 249.